

Гость «ИЗ» — актер Зиновий Гердт:

«А ГЛАВНОЕ — ПОЭЗИЯ...»

Один наблюдательный человек заметил, что тембр голоса — открытая душа. Пожалуй, верно. Тогда попробуем по голосу народного артиста РСФСР Зиновия Гердта представить его характер. Уверен, никто не сможет сказать, что этот человек недобр. Мы узнаем З. Е. Гердта, даже не глядя на экран или сцену, узнаем с закрытыми глазами. Спутать невозможно.

Перечислять все занятия Зиновия Ефимовича — дело непростое. А все-таки основное, наверное, — актерство, которому отдано больше полувека...

— И это, несмотря на то, что мои родители настаивали на более «серьезной» профессии — я учился в школе ФЗУ Московского электрозавода имени Куйбышева на слесаря-лекальщика. А там был ТРАМ — театр рабочей молодежи. То есть то, что мне и было нужно! В 1933 году в ТРАМ пришел молодой режиссер Валентин Плучек, ныне возглавляющий театр Сатиры, и мы стали играть первые пьесы Алексея Арбузова. Через пять лет Плучек и Арбузов создали театральную студию, куда вошел и я. Именно там мы и начали готовить пьесу «Город на заре». Собственно, пьесы как таковой не было — мы всемером сочиняли ее сами, на ходу. Вот я свою роль Вениамина Альтмана сочинил от первой до последней реплики.

— А кто еще был среди студийцев той поры?

— Девятиклассник Сева Багрицкий, будущий поэт, который погиб в самом начале войны, И. Кузнецов, ныне известный драматург и критик, Аня Богачева, Петя Дроздов — заслуженный артист республики, сейчас работает в Ташкенте... Словом, собралась большая компания молодых, веселых, талантливых людей, и нам было интересно работать вместе. О том студийном пе-

рисде сейчас немало пишут, вспоминают...

— Однако, как я знаю, вашей студии было суждено прожить не очень долго...

— Да, война. Студия стала фронтовым театром, а я добровольцем пошел на фронт, стал сапером...

Бывший командир гвардейской саперной роты Гердт не очень охотно вспоминает тот жестокий бой, то ранение — далеко не первое — но такое, которое не позволило ему вернуться в строй — и фронтовой, и театальной И. может быть, тогда-то, в период мытарств по госпиталям, и пришла к нему счастливая мысль стать актером за ширмой, а короче — кукольником. И в год Победы...

...еще на костылях я пришел в театр кукол Образцова. Вскоре там началось сочинение знаменитого «Необыкновенного концерта». В этом спектакле я переиграл все мужские роли, одну женскую, пока наконец не стал Конфрансье, единственным говорящим персонажем представления.

— Причем, говорящим на разных языках мира...

— Да. С этим спектаклем мы немало поездили, были чуть ли не в тридцати странах. И всюду я говорил на языке «страны пребывания». В общем-то, какие-то лингвистические способности у меня, наверное, есть, но не в них дело. Просто я на неделю раньше театра приезжал в страну бу-

дущих гастролей, и на местном материале писал репризы для своего героя... Но, кстати, вот уже три месяца, как я не работаю в театре, ушел из него. По разным причинам.

— Какое же теперь ваше основное занятие?

— Когда я уходил из театра, мне казалось, что теперь у меня будет пропасть свободного времени. Оказалось совсем наоборот: его стало вчетверо меньше. Раньше, когда меня звали сниматься в какой-нибудь плохой картине, у меня всегда была веская причина отказать — репетиции в театре, премьера готовится и так далее. Теперь этот аргумент исчез.

— И приходится сниматься?

— Просто иногда неудобно отказать. Разные бывают случаи... Вот, например, просто анекдотическая ситуация. Еду я как-то на машине в Москве по Пушкинской, и вдруг посреди площади машина останавливается. В чем дело? Ничего не могу понять. А, оказалось, просто бензин кончился. Милиционер помог откатить машину к бровке, стою «загораю». Вдруг подкатывает машина, в ней знакомый режиссер, с которым у меня не было и не могло быть приятельских отношений. Что случилось, спрашивает. Да вот, говорю, бензина нет. А канистра есть? Нет... В общем, он достал где-то канистру, съездил на заправку и привез мне бензин. Ну, говорю, Дня, теперь я твой раб. Не проходит и двух лет, как он звонит мне. Помнишь, что ты мой раб? Как же, как же, отвечаю. Так я тебе сейчас сценарий высылаю, ты у меня должен сняться. Присылает сценарий, я по-

читал — ужаснулся. Но разве я мог ему отказать?!

— Ну, а любимая роль в кино! Она есть!

— Вот сейчас как раз выходит. Это будет фильм Якова Сегеля «Девяносто шесть ступенек». Фильм о войне и о любви. Там всего три героя — старик, его приемная внучка и мальчик-офицер, получивший отпуск по ранению. Когда я прочитал сценарий, в нем был совсем старый старик, с другой биографией, даже с другим именем-отчеством. Я понял, что мне его не сыграть — и предложил своего героя, учителя русского и литературы, кстати, почему-то мне пришлось в голову, что он из Запорожья, придумал для него трагическую судьбу, детали биографии. Так он стал мне ближе. И режиссер, отдав дань его мужеству, решительно перекроил сценарий за считанные дни, согласившись с моим вариантом. Вот это моя любимая роль в кино...

Мы сидим напротив друг друга и я вспоминаю иные работы Гердта на экране. Кажется, это совсем разные люди — и Паниковский из «Золотого теленка», и Кукушкин из «Фокусника», и Михаил Михайлович из телефильма «Место встречи изменить нельзя», и многие другие. Роль столько, что все не перечислить. И неожиданно я прихожу к выводу, что герои Гердта похожи. Похожи в хорошем смысле слова — они всегда искренни, добры, не умеют или не хотят приспособляться.

— Зиновий Ефимович, вот вы ушли из театра. А случись такая ситуация, что вам предлагают создать свой коллектив. Каких бы актеров вы пригласили?

— Прежде всего актер должен быть высокообразованным, культурным человеком, интеллигентом. Только от та-

кой основы можно оттолкнуться, возможно восприятие, возможно искусство. Я знаю некоторых актеров, которые и трех книжек за всю жизнь не прочитали, однако они играют — и великолепно! — и академиков, и дворников. И им веришь. Но это не искусство — это просто талантливый слепок с жизни, не больше.

Примером же культуры и таланта для меня служит Алла Демидова. Могу еще назвать Алису Фрейндлих, Олега Борисова (кстати, советую посмотреть новый фильм с его участием — «Остановился поезд». Не пожалеете)...

— Я знаю, что в начале 60-х годов вы активно занимались драматургией, писали и сценарии...

— Этим я занят и сейчас. Уйдя из театра, наконец, засел за пьесу, о которой думаю вот уже два года. Вместе с моим другом Мишей Львовским мы сочинили несколько пьес, шедших с успехом, — «Поцелуй феи» (в стихах), «Танцы на шоссе», из которой подумываем сделать сценарий для фильма... А главное в моей жизни — все-таки стихи. Я знаю их тысячи, никогда с ними не расстаюсь. В любой поездке, (а ездить по другим городам я люблю безумно) со мной сборник стихов. Очень люблю нашу военную поэзию, Твардовского, Самойлова, Высоцкого. Вот уже сорок лет однако поэтической вершиной для меня остается Борис Пастернак... О своих опытах... Одно время я занимался шуточными, пародийными стихами... Гердт на миг задумался и убежденно повторил:

— Да, главное в моей жизни — поэзия...

Беседу вел Ю. СУШКО.